Историко-философский ежегодник
2025. Т. 40. С. 7–32
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2025, vol. 40, pp. 7–32
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2025-40-7-32

ВОСПОМИНАНИЯ

Дружба длиною в шесть десятилетий*

М.Т. Степанянц
Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
marietta_35@mail.ru

Аннотация. Статья соединяет мемориальную интонацию и дисциплинарный диагноз: через фигуру Нелли Мотрошиловой и шестидесятилетнюю дружбу автор показывает, как российская философия вышла из тени европоцентризма к межкультурному подходу. Автор вспоминает путь рядом с Нелли Васильевной – от аспирантуры ИФ АН и первых защит до руководства секторами, авторитетных публикаций и премий. Повседневность – жесткий режим, очереди, коммуналки, «домашние» интеллектуальные круги, праздники и шарады – очеловечивает академический мир. Научная линия – критика гегелевской европоцентристской истории философии, десятилетиями исключавшей Восток из канона. Автор собирает контраргументы и альтернативные традиции: суждения Глазенапа о Гегеле; реплики Шеллинга и Шопенгауэра; мотив «фамильного сходства» у Ницше; оценки Макса

* Некоторые фрагменты, вошедшие в настоящую статью, получили дальнейшее развитие в статье Marietta T. Stepanyants, «History of Philosophy as an Insightful Reading», in *Philosophy Through Its History. The Intellectual Legacy of Nelly V. Motroshilova*, ed. Marina F. Bykova (London: Brill, forthcoming).

© Степанянц М.Т., 2025

Мюллера и Гессе; предостережение Лейбница и идея philosophia perennis. Ключевой разворот – международная сцена: Гавайские конференции East-West Philosophers, московские форумы, академическая серия «Сравнительная философия», совместные издания, благодаря которым сравнительная философия возросла до межкультурной. Автор артикулирует три стратегии межкультурной философской ориентации: «короткий путь» расширения горизонтов без смены эпистемы; «длинный путь» обучения и обживания чужих понятийных миров; «третий путь» творческого синтеза, где рождаются решения общезначимых проблем. Рядом – персональный портрет Мотрошиловой: эрудит и полемист, автор бестселлеров о Гегеле, Канте, Гуссерле и Хайдеггере, ответственный редактор новаторских учебников, участник острых идеологических дискуссий. Ее прочтение Гегеля – не о закрытии канона, а о «реальном всемирном процессе взаимодействия и взаимодополнительности», в котором философии перестают быть иерархией и становятся полилогом. Итог – манифест методологической смелости: признать множественность, не растворяя различий; учиться вместе, сохраняя аргумент; строить философию, способную работать с глобальными рисками сегодня.

Ключевые слова: история философии, европоцентризм, восточные философии, компаративистика, межкультурный метод философствования, Гегель, Н.В. Мотрошилова

Для цитирования: Степанянц, М.Т. «Дружба длиною в шесть десятилетий». *Историко-философский ежегодник* 40 (2025): 7–32.

Поступила в редакцию: 18.06.25
Принята к публикации: 16.09.25

The Six Decades of Friendship

Marietta T. Stepanyants
RAS Institute of Philosophy
109240, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, Russia
marietta_35@mail.ru

Abstract. The article combines a memorial intonation and a disciplinary diagnosis: through the figure of Nelly Motroshilova and the lens of sixty years of friendship with her, the author shows how Russian philosophy came out of the shadow of Eurocentrism to an intercultural approach.

The author recalls her own path in life which was closely connected to that of Motroshilova: from postgraduate studies at the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences to heading the departments, authoritative publications and awards. Everyday life – strict regimes, queues, communal apartments, "home" intellectual circles, holidays and charades – humanizes the academic world. The academic line of this article is a criticism of Hegel's Eurocentric history of philosophy, which for decades excluded the East thought from the canon of the intellectual heritage of the world. The author enumerates counterarguments and alternative traditions: Glasenapp's judgments on Hegel; the critical remarks of Schelling and Schopenhauer; the motif of "family resemblance' in Nietzsche; assessments by Max Müller and Hesse; Leibniz's warnings and the idea of *philosophia perennis*. The key turn happened on the international stage: the Hawaiian conferences of East-West Philosophers, Moscow forums, the academic series "Comparative Philosophy", joint publications, thanks to which comparative philosophy has grown to an intercultural one. The author articulates three strategies of intercultural philosophical work: a "shortcut" to expanding horizons without changing the *episteme*; the "long way" of learning and living in other people's conceptual worlds; the "third way" of creative synthesis, where solutions to generally significant problems are born. Next to all of this is a personal portrait of Motroshilova: an erudite and polemicist, the author of bestsellers on Hegel, Kant, Husserl and Heidegger, the executive editor of innovative textbooks, a participant in sharp ideological discussions. Her reading of Hegel is not about the closure of the canon, but about the "real universal process of interaction and complementarity", in which philosophies cease to be hierarchies and become polylogues. The result is a manifesto of methodological courage: to recognize multiplicity without dissolving differences; to learn together while maintaining an argument; to build a philosophy capable of dealing with global risks today.

Keywords: history of philosophy, Eurocentrism, Eastern philosophies, comparative studies, intercultural method of philosophizing, Hegel, Nelly Motroshilova

For citation: Stepanyants, Marietta T. "Six Decades of Friendship." *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 40 (2025): 7–32 (in Russian).

Received: 18.06.25
Accepted: 16.09.25

Мне посчастливилось дружить с Нелли Васильевной на протяжении шести десятилетий, со времени учебы в аспирантуре. Мы поступили в аспирантуру Института философии РАН одновременно, начали работать в Институте: она – с 1962, а я – с 1959 г. Нелли защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук в 1963 г., на год раньше, чем я.

Хотя фактически мы были ровесницы, я всегда относилась к Нелли как к старшей. У нее было большое преимущество – фундаментальное профессиональное образование на философском факультете МГУ. Не могу пожаловаться на свое образование – оно было отличным, но в области востоковедения. В результате она с 1986 по 2013 г. возглавляла сектор истории западной философии и отдел историко-философских исследований, а я с 1980 по 2012 г. являлась заведующей сектором восточных философий. Нелли Васильевна была награждена премией имени Г.В. Плеханова – самой высокой наградой Российской академии наук «за серию работ по исследованию немецкой классической и современной философии» (2002 г.), а я – «за выдающиеся научные работы в области изучения истории восточных философий и разработку методологии компаративных исследований» (2006 г.). Несмотря на различия в специализации, мы шестьдесят лет поддерживали тесное сотрудничество, оставались душевно близкими подругами, дружили семьями, делили общие радости и горести. Никто из нас не претендовал на главенство, на правоту собственного мнения. Напротив, мы прислушивались друг к другу, извлекали из этого пользу и, как мне думается, взаимно обогащались.

Нелли Васильевна поражала богатством эрудиции, широтой интересов. Ее исследования более всего были связаны с творчеством Гегеля, Канта, Гуссерля, Хайдеггера, Ницше, Владимира Соловьёва, Бердяева, Шестова. Ее привлекал огромный круг как сугубо философских, так и мировоззренческих проблем, она не боялась включаться в полемику по самым острым политическим и идеологическим вопросам. С философией стран Востока она долгое время фактически не была знакома, что, впрочем, не было ее личным недостатком.

До середины прошлого столетия в российской философии сохранялась инерция дореволюционного прозападного восприятия

духовного мира Востока. Прочно укоренено было гегелевское представление о том, что «колыбелью философии» была античная мысль Греции, и идея существования какой-либо иной, помимо западной, философии, является необоснованной. Хотя и допускалось, что «первой по времени является так называемая восточная философия» (имелись в виду китайская, индийская мысли), тем не менее ее включение в историю философии считалось неуместным[1]. Позже, ознакомившись со статьями известного английского востоковеда Генри Томаса Колбрука (1765–1837), посвященными индийской философии, Гегель вносит изменение к изданию 1829/30 гг. своих лекций по истории философии и добавляет сноску к странице 331. В ней сказано:

> Прежде всего мы встречаемся с восточной философией. Мы можем рассматривать ее как первую часть и, таким образом, как настоящую философию; но мы также можем рассматривать ее как преддверие, как предпосылку философии, и тогда мы начинаем историю философии только с греческой философии […]. При формировании восточного мира мы находим философствование, даже очень глубокое […]. Но, оставаясь глубоким, оно в то же время остается абстрактным […]. Для нас истинная философия начинается только в Греции. Мера и ясность начинаются здесь[2].

Гегелевская оценка философских традиций восточных цивилизаций как далеких от «истинной философии» тиражировалась практически во всех российских (а позже и советских) университетских учебниках по истории философии. Примечательна в этом смысле 2-томная «Общая история философии», переведенная с немецкого языка и изданная в 1910 г. в России, которая использовалась в российских университетах. Авторами глав, посвященных индийской, китайской и арабской философии, выступают авторитетные ориенталисты: Герман Ольденберг,

---

[1] Георг Вильгельм Фридрих Гегель, *Лекции по истории философии*, 3 кн. (СПб.: Наука, 1993), 1:160.

[2] G.W.F. Hegel, *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*, 3 Bde, hrsg. Johannes Hoffmeister (Leipzig: Meiner, 1944), 1:373f. Цит. по: Wilhelm Halbfass, *India and Europe. An Essay in Understanding* (Albany: State University of New York Press, 1988), 97–98.

Вильгельм Грубе и Игнатий Гольдциер. Обращают, однако, на себя внимание данные ими оценки. Так, главу по индийской философии Ольденберг заключает следующим образом:

> Слишком воздушна игра этой философии, слишком она подобна сну, видению, полету Икара. Не было философии, исследующей действительность ясно и точно, беззаветно и успешно, а были только скудные зачатки естествознания, истории. Спекулятивное мышление не было воспитано в строгой школе науки[3].

В том же духе оценивается китайская философия. Вот что сказано в заключение главы, написанной В. Грубе:

> Философское умозрение китайцев постоянно останавливалось на полдороге и никогда не достигало полного развития […]. Издревле китаец, движимый врожденным инстинктом накопления, стремился к накоплению множества отдельных сведений, между тем как синтетическое мышление было слишком слабо развито, чтобы привести к той внутренней связи, которая только и составляла сущность истинного знания[4].

Но, пожалуй, наиболее уничижительно отношение к исламской философии, выраженное И. Гольдциером:

> Полнейшее отсутствие критической способности с самого начала наложило на арабскую философию печать эклектизма, который явно сказывается во всех направлениях, в которых шло развитие этой философии[5].

Высказывания, принадлежащие ученым умам высокого ранга, говорят о том, что и просвещенные лица находились в плену

---

[3] Герман Ольденберг, «Индийская философия», в *Общая история философии*, в 2 т., под ред. А. Введенского и Е. Радлова (СПб.: Общественная мысль, 1910), 1:38.

[4] Вильгельм Грубе, «Китайская философия», в *Общая история философии*, в 2 т., под ред. А. Введенского и Е. Радлова (СПб.: Общественная мысль, 1910), 1:60.

[5] Игнатий Гольдциер, «Философия ислама», в *Общая история философии*, в 2 т., под ред. А. Введенского и Е. Радлова (СПб.: Общественная мысль, 1910), 1:88.

царившего колониального духа, оправдываемого миссионерской ролью западного христианского мира.

Парадоксальное сочетание европоцентризма с политическим интернационализмом не смущало советских идеологов своей логической несовместимостью. Однако властные элиты осознали необходимость учета новой геополитической ситуации, сложившейся после крушения колониальной системы. От объединения пролетариев всех стран надо было переходить к более реалистичной и перспективной политике – к налаживанию диалога и сотрудничества с молодыми суверенными государствами. Есть основания полагать, что именно такой была мотивация подготовки в СССР нового издания истории философии как истории «всех времен и народов»[6].

Для реализации столь масштабного проекта одного желания было недостаточно: в Институте философии – главном академическом философском центре страны – отсутствовали необходимые научные кадры. Такая ситуация сложилась вследствие политической и идеологической борьбы в послереволюционной России, когда богатейшее научное наследие российского востоковедения оказалось невостребованным и его наиболее выдающиеся представители подверглись преследованиям, а руководимые ими школы были разгромлены.

Сектор истории философии стран Востока был сформирован только в 1960 г. Набор сотрудников производился с 1958 г. главным образом за счет выпускников восточного факультета Московского государственного института международных отношений при МИД СССР. Новичков первоначально направляли в сектор научной информации, который формировался преимущественно за счет молодых кадров. К моему приходу в сектор здесь уже работали Олег Григорьевич Дробницкий, Вадим Николаевич Садовский, Юрий Борисович Молчанов, Тамара Андреевна Кузьмина, Нина Степановна Юлина. Для выпускников МГИМО «Волхонка, 14» стала вторым университетом. Ускоренному усвоению философских курсов благоприятствовал

[6] М.А. Дынник, М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, М.Б. Митин и О.В. Трахтенберг, ред., *История философии,* в 6 т. (М.: Издательство Академии наук СССР, 1957–1965).

сложившийся в Институте режим работы, не предусматривавший для «неостепененных» присутственные дни и устанавливавший семидневную рабочую неделю с восьмичасовым рабочим днем. Только в 1967 г. ввели неделю с двумя выходными днями. Режим строго соблюдался, приход на работу и уход с нее фиксировались на проходной.

Может показаться странным, что наше поколение не сопротивлялось столь жесткому режиму работы. Более того, он нас даже кое в чём устраивал. Многие жили в коммуналках, в семейной тесноте, а зачастую – в съемных комнатах или углах. В установленном режиме было большое преимущество: свобода общаться с кем хочешь; говорить о том, что тебя волнует и интересует; уважать и любить по собственному выбору ума, души и совести. Стояние в очередях в обеденное время позволяло расширять круг общения. Там мы могли познакомиться со сверстниками из других секторов, область профессиональных интересов которых была иной, чем наша, но с которыми мы были родственны по духу. Для меня особенно дорога стала дружба с историками философии Нелли Мотрошиловой и ее ближайшей подругой Ирочкой Балакиной (защитившей кандидатскую диссертацию по философии Бердяева и вскоре трагически ушедшей из жизни); с психологами Ксаной Славской и Андреем Брушлинским; с философами науки Игорем Акчуриным и Вадимом Казютинским; эпистемологом Владиславом Лекторским.

Дружба с Неллей приобрела новые смыслы в связи с ее браком с Юрием Александровичем Замошкиным. Я неслучайно упоминаю имя последнего с отчеством. Мне трудно было сразу перейти с ним на «ты» и звать по имени. Объясняется это просто – он был моим преподавателем истории философии во время учебы в МГИМО. Наш «семейный круг» быстро расширился за счет Жени Фроловой и Эриха Соловьёва, Бориса и Наташи Грушиных. Мы часто собирались вместе в связи с празднованием дней рождений и прочих достойных, с нашей точки зрения, событий. Такие «празднества» проходили на квартирах Нелли и Юры, Жени и Эриха, у меня с Сашей. Но самыми незабываемыми были новогодние застолья. Все, включая взрослых детей, – дочь Замошкина Саня, сын Нелли Андрей, самая

младшая из всех, «инфанта» Грушиных Оля, – собирались чаще всего на даче Замошкиных, что допускало присоединения к нам ближайших дачных соседей (Фёдора Бурлацкого и др.). Дачный дом был построен по проекту профессионального архитектора, его интерьер отличался большим вкусом благодаря рукотворному вкладу хозяев. Кухня, включая полки, стол, стулья и т.д., были сделаны руками прекрасного резчика по дереву Юры Замошкина, а гардины и салфетки расшиты гладью Нелей Мотрошиловой. Всё это создавало особенно теплую атмосферу действительно семейного уюта. Застолье было обильным и исключительно домашнего приготовления, веселое и одновременно содержательное по разговорам и спорам. Но, пожалуй, центральное место в этом празднестве занимали ставшие для нас традиционными семейные шарады, разыгрываемые с большим остроумием и затейливостью. Победителей – а вслед за ними всех участников – награждали памятными подарками, изготовленными руками Жени и Нелли, сопровождаемыми при этом соответствующими стихами Эриха.

Вторая половина 60-х гг. была для нас периодом серьезного погружения в научно-исследовательскую работу. Шла усиленная подготовка к выходу на защиту докторских диссертаций. Из числа близких мне людей самыми первыми докторами наук стали Юрий Александрович Замошкин («Кризис индивидуализма и личность: Социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США», 1963 г.); Борис Андреевич Грушин («Проблемы методологии исследования общественного мнения», 1967 г.), Нелли Васильевна («Познание и общество. Из истории философии XVII–XVIII вв.», 1970 г.). Моя защита («Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв.») состоялась в 1974 г.

К началу 1971 г. я представила сектору на обсуждение рукопись четвертой своей монографии «Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв.». Прочитав ее, завсектором Сергей Николаевич Григорян сказал, что, по его мнению, рукопись не только должна быть опубликована, но она практически представляет собой готовую докторскую диссертацию. На обсуждении рукопись была рекомендована к печати. Так я решилась оформить текст в формате

диссертационного исследования. В течение полутора лет я работала над ним и осенью 1972 г. представила рукопись на обсуждение в качестве докторской диссертации. Коллеги дали положительную оценку исследования, подчеркивая его фундаментальный характер и оригинальность подхода к наиболее острым современным проблемам мусульманского мира. Прямо противоположную позицию занял Николай Герасимович Сенин. Он был доктором наук, специалистом по современной китайской философии, человеком, который претендовал на безусловную «чистоту» своих марксистско-ленинских взглядов, а потому и право на решительную борьбу с отступлениями на позиции «ревизионизма». Именно таким образом он поступал при всех обсуждениях на секторе.

Состоявшаяся в начале февраля 1974 г. защита прошла успешно. Этим я во многом обязана моральной поддержке со стороны коллег и друзей. Особо хотелось бы отметить Юрия Александровича Замошкина, его напутствия по организации «обороны» от критиков, проявлявших бдительность в отношении сохранения идеологической чистоты наших рядов. Весомую поддержку я получила от востоковедов, начиная с директора Института востоковедения академика Бободжана Гафуровича Гафурова. Неожиданным и радостным оказался приход на защиту таких «тяжеловесов» в индологии, как академик (в то время членкорр. Академии наук) Григорий Максимович Бонгард-Левин и главный редактор журнала «Восток» Леонид Борисович Алаев. Эта коллегиальная поддержка была исключительно важна, учитывая, что 10 января, практически накануне защиты, после скоротечного рака скончался Сергей Николаевич Григорян.

Через две недели после защиты я должна была улететь в Канаду, куда еще до нового года вылетел мой муж в качестве консула в Монреале, а позже – советника в Посольстве (Оттава). Никогда не забуду, как за два дня до вылета ко мне домой пришли Нелли и Юра, чтобы попрощаться. Они принесли в подарок офорт Эрнста Неизвестного, созданный в 1966 г. За четыре года до этого (1 декабря 1962 г.) глава правительства Никита Сергеевич Хрущёв подверг публичному разносу художников-авангардистов, в первую очередь Неизвестного, которого высоко почитали в Институте философии. Благодаря дружбе Александра

Зиновьева и Юрия Замошкина с Эрнстом – и еще потому, что сам художник проявлял большой интерес к философии и даже изучал ее факультативно в МГУ, – он дважды выступал в переполненном большом зале нашего Института.

Мало кто знает, что муж Нелли Васильевны был сыном Александра Ивановича Замошкина, члена-корреспондента Академии художеств СССР, известного искусствоведа, учившегося (1912–1917) в Императорском Строгановском училище, в 1934 г. окончившего аспирантуру Государственной академии художественных наук. С 1941 по 1951 г. он был директором Третьяковской галереи, а позже до 1961 г. – директором Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Поэтому, естественно, Юрий Александрович прекрасно разбирался в искусстве и мог быть интересным собеседником для Неизвестного. Я бесконечно благодарна Нелли и Юре за то, что они нашли возможность посетить мастерскую Художника, чтобы приобрести мне в подарок офорт с символическим названием «Вечно идущий».

Юра объяснил название заимствованием из «Божественной комедии» Данте. На офорте изображены две обнаженные мужские фигуры: на заднем плане фигура малого размера, будто сходящего с пути; на переднем плане – мощная фигура античного атлета, все мускулы которого напряжены до предела, чтобы не сойти с пути. «Дорогу осилит идущий» – это не просто крылатое выражение. Дорога понимается метафорически как путь, полный трудностей, препятствий и испытаний.

Позже я узнала, что эта метафора, возможно, заимствована из «Ригведы» («Гимн Щедрости»). В переводе на русский язык она выглядит следующим образом:

Пашущего сытым делает плуг,
Дорогу осилит пешком идущий.

Вторая наиболее популярная версия происхождения этого выражения – Евангелие от Матфея (7:7), где сказано:

Просите, и дано будет вам;
Ищите, и найдете;
Стучите, и отворят вам.

Похожие выражения существуют во многих языках и культурах, что говорит об универсальности этой мудрости. Офорт с тех пор, как он был подарен верными и мудрыми друзьями, неизменно висит напротив меня, над письменным столом, за которым я работаю.

После возвращения в 1980 г. из Канады я была назначена – а фактически избрана в силу сложившихся в коллективе за истекшие шесть лет напряженных отношений – заведующим сектора восточных философий. Реорганизация оказалась благотворной для нас: за сравнительно короткий срок деятельность сектора изменилась настолько, что нас в Институте стали «замечать». Это проявилось сначала в робких и почти анекдотичных формах. Не помню точно, в 1987 или 1988 г. мне позвонила Пиама Павловна Гайденко и передала просьбу Ивана Тимофеевича Фролова поручить сотрудникам сектора подготовить текст объемом до пяти (!) машинописных страниц о восточной философии для готовящегося под его редакцией вузовского учебника «Введение в философию»[7] (Гайденко отвечала в Учебнике за раздел по истории философии). Честно говоря, я подумала, что ослышалась. Переспросила и получила в ответ подтверждение: именно пять страниц. Такова на тот момент была оценка уважаемыми коллегами значимости философского наследия трех восточных цивилизаций: 5 машинописных страниц в книге объемом около 1000 печатных страниц!

При всём своем уважении к Фролову и Гайденко я вынуждена была сказать «нет» в ответ на столь удивительное предложение. Я объяснила, что не могу просить сотрудников представить философское наследие трех цивилизаций в таком объеме. Самое большое, что я могу обещать, – это сама (не унижая других) написать текст объемом не менее 1 а.л. Иван Тимофеевич согласился с моим предложением. Так появился отечественный учебник с небольшим разделом по Востоку. Кстати, учебник неоднократно переиздавался и был переведен на ряд иностранных языков.

---

[7] И.Т. Фролов, ред., *Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений*, в 2 т. (М.: Политиздат, 1989).

Сегодня я вспоминаю случившееся с пониманием. Фролов на самом деле был первым из «высокопоставленных» философов, кто обратил внимание на работы философов-востоковедов и активно поддерживал нас, публикуя наши тексты в журнале «Вопросы философии» (в бытность свою его ученым секретарем, а затем – главным редактором (1968–1977)).

Значительно полнее восточные философии были представлены в учебном пособии для студентов высших учебных заведений под редакцией Мотрошиловой[8]. Нелли Васильевна – как мне думается, единственная из институтских коллег вне нашего сектора, – уже в то время читала опубликованные нами книги (как индивидуальные, так и коллективные монографии) и проявляла уважение к нашей деятельности. Возможно, на нее повлияло отношение к индийской философии и Юрия Александровича, который в бытность аспирантом МГИМО побывал (в 1956 г.) в Индии вместе со своим научным руководителем Александром Фёдоровичем Шишкиным, где они принимали участие в 31-й сессии Индийского философского конгресса. Поездка на них произвела большое впечатление: это был первый опыт знакомства с индийскими философами, а потому ими была написана статья, опубликованная в «Вопросах философии»[9]. Более того, Замошкин – первый, кто познакомил студентов МГИМО с восточной (а именно с индийской) философией, и я была в числе его слушателей в 1958/59 учебном году.

Мне очень хотелось, чтобы Нелли лично познакомилась с Индией, и потому я при первой возможности рекомендовала ее кандидатуру для поездки в Дели на 23-й конгресс Международного альянса женщин (Alliance Internationale des Femmes). Организация была основана как международный союз суфражисток в 1904 г. в Берлине для проведения кампаний за избирательное право женщин. Штаб-квартира IWSA находилась в Лондоне.

---

[8] Н.В. Мотрошилова, ред., *История философии: Запад – Россия – Восток*, в 4 кн. (М.: Греко-латинский кабинет, 1995); 2-е изд. (М.: Академический проект, 2012).

[9] Ю.А. Замошкин, А.Ф. Шишкин, «На 31-й сессии Индийского философского конгресса (1956)», *Вопросы философии*, № 2 (1957).

Нелли Васильевна участвовала в последнем конгрессе организации. После 1973 г. деятельность Альянса реализовывалась ее «филиалами» (полноправными членами), к числу которых относилась Всеиндийская женская конференция (All India Women's Conference), главой которой на момент проведения была Индира Ганди, по этой причине открывавшая Конгресс. Нелли Васильевна гордилась фотографией, на которой Индира пожимала ей руку, и даже передала это фото на хранение в экспозицию музея нашего Института.

В годы своего пребывания в Индии я тесно сотрудничала с ведущими женскими организациями Индии, в том числе с вышеупомянутой, которую в мое время возглавляла жена министра по парламентским делам. Понимая, что конференция суфражистского типа, состоящая преимущественно из буржуазных дам и руководимая ими, не позволит Нелли почувствовать дух женского движения в Индии, я отправила письма индийским женщинам, своим друзьям, с просьбой, чтобы они ее опекали. Вспоминая об этой поездке, Нелли Васильевна писала:

> Мара раньше в Дели жила и работала. Ее знакомые женщины тепло меня принимали. Притом я поняла, что это были поистине самоотверженные женщины, полностью посвятившие себя служению другим людям. Так, наверное, бывает только в Индии. Важен факт, что я была им представлена Марой, ибо Мара была там той светлейшей личностью, которую все они знали, любили […]![10]

Нелли Васильевна была удивительно творческим человеком. Никакие болезни, операции не удерживали ее от дела, которому она посвятила жизнь. В последние годы она опубликовала фундаментальные монографии, ставшие бестселлерами: «Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901)» и «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь». В числе последних ее статей: «История философии

[10] Н.В. Мотрошилова, «Антиномии в развитии философии советского периода. Интервью с Н.В. Мотрошиловой», интервью Н.А. Татаренко, *Историко-философский ежегодник* 33 (2018): 350.

в системе Гегеля»[11] и «Ожидаемое и неожиданное в новой книге Юргена Хабермаса “И снова – история философии” (“Auch eine Geschichte der Philosophie”)»[12]. Мне кажется не случайным тот факт, что последние опубликованные Нелли Васильевной тексты были связаны с именами Гегеля и Хабермаса. Оба выдающихся философа были для нее кумирами, а потому она не уставала обращаться к ним, извлекая новые идеи из неисчерпаемого богатства их духовного наследия. В силу моих интересов и занятий в последние два десятилетия я особенно заинтересовалась заключением, к которому пришла Мотрошилова в статье, посвященной истории философии в системе Гегеля. Говоря о «высокой стадии», которой достиг мировой дух, Гегель, в понимании Нелли Васильевны,

> имел в виду вполне реальный собирательный, длительный интернациональный, т.е. именно *всемирный процесс взаимодействия, взаимодополнительности, постепенного сохранения, развития, обогащения принципов, центральных идей, не знающий внешних границ и местных преград исторический процесс работы, «стараний духа», создающих целый универсум*[13] (курсив мой. – *М.С.*).

Я выделила курсивом то, что заставило меня задуматься над тем, что на протяжении многих лет казалось мне оправданным и справедливым, – критику гегелевского отношения к восточным философиям.

Гегелевская позиция, в соответствии с которой «мерилом» философии является исключительно западная мысль, была подвергнута критике еще современниками Гегеля. Наиболее аргументированно ее смогли опровергнуть ученые востоковеды. Так, выдающийся немецкий индолог Гельмут фон Глазенап (1891–1963), известный трудами по индийской философии и религии (Университет Тюбингена), писал, что Гегель был «книжником»,

---

[11] Н.В. Мотрошилова, «История философии в системе Гегеля», *Историко-философский ежегодник* 35 (2020).

[12] Н.В. Мотрошилова, «Ожидаемое и неожиданное в новой книге Юргена Хабермаса “И снова – история философии” (“Auch eine Geschichte der Philosophie”)», *Вопросы философии*, № 8 (2020).

[13] Мотрошилова, «История философии в системе Гегеля», 162.

жившим в мире абстракций и спекуляций, не желавшим и не способным приложить свои концептуальные схемы к эмпирическим реалиям. Более того, он был «прототипом западного человека», считавшим западную мысль мерилом всех вещей.

> Поэтому, всё, что он мог сказать об индийском мире, оказывалось недостаточным; и в результате получалась карикатура, свидетельствовавшая о том, что, хотя он и имел правильное понимание некоторых частностей для взятой на себя задачи, он не был квалифицирован[14].

Молодые современники Гегеля, Шеллинг и Шопенгауэр, жестко критиковали его. Шеллинг утверждал, что Европа – бесплодный ствол, к которому всё привилось с Востока и который только через это удалось облагородить[15]. Оздоровление и обогащение европейской мысли возможно только через обращение к «живительному источнику» религиозно-философской культуры Востока (в частности, Индии) – полагал Шопенгауэр[16]. На «фамильном сходстве» всей философской мысли – индийской, греческой, немецкой – настаивал Ницше[17]. В иных случаях именно «спиритуальность» восточной мысли рассматривалась как свидетельство превосходства ее по сравнению с западной. Носители первой казались Максу Мюллеру «превосходящими большинство философов Запада»[18]. Нередко указанные стереотипы воспринимались как равные, как взаимно дополняющие. Такой точки зрения придерживался, например, большой поклонник восточной философии Герман Гессе, усматривавший в

---

[14] Helmuth von Glasenapp, *Das Indienbild deutscher Denker* (Stuttgart: Koehler, 1960), 39f.; 59. Цит. по: Halbfass, *India and Europe*, 84.

[15] «F.W.J. Schelling an K.J.I. Windischmann, 18. Dezember 1806», in *Aus Schellings Leben. In Briefen. Zweiter Band. 1803–1820*, hrsg. G. Plitt (Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870), 108.

[16] См. подборку цитат в Halbfass, *India and Europe*, 113.

[17] Фридрих Ницше, *По ту сторону добра и зла*, в *Полное собрание сочинений*, т. 5, пер. Н.Н. Полилова и К.А. Свасяна (М.: Культурная революция, 2012), 32.

[18] Max Muller, *The Six Systems of Indian Philosophy*, 2nd ed. (London: Longmans, Green and Co. 1903), xii.

> мудрости Востока и Запада […] не враждебные, борющиеся силы, но полюсы, между которыми раскачивается жизнь[19].

Великие умы предостерегали от неоправданного высокомерия по отношению к не западным культурам. Лейбниц в переписке с Николаем Ремоном, касающейся китайской философии, отмечал:

> Было бы чересчур опрометчиво и самонадеянно со стороны нашего брата, […] едва-едва еще вышедшего из состояния варварства, позволить себе осуждать столь древнее учение, поскольку оно, на наш взгляд, не соответствует сразу же нашим привычным схоластическим понятиям […]. Обнаруживая следы истины у древних, можно извлечь золото из осадка, алмаз из его породы, свет из темноты; это и будет в действительности некая вечная философия (perennis quaedam Philosophia)[20].

Самый серьезный вклад в пересмотр европоцентристской истории философии был сделан философами-компаративистами. Сравнительный подход в философии существует издавна. Достаточно серьезно им были заняты некоторые европейцы в XIX в. И всё же компаративный метод исследования в большинстве случаев не отражал основного содержания деятельности ученых. К нему прибегали индивидуально, это не было «общим делом». Таковым оно стало только в XX в. К последним десятилетиям прошлого века сравнительная философия возвысилась до нового метода философствования – межкультурной философии.

Накопленный исследовательский багаж философского востоковедения в России позволил и нам активно подключиться к компаративному вектору мировой философии. Следует иметь в виду, что сравнительная философия эпизодически проявляла себя уже в дореволюционный период. Особенно показательны в этом смысле труды буддолога Фёдора Ипполитовича

---

[19] Герман Гессе, «К моим японским читателям», пер. М.С. Харитонова, в *Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации* (М.: Восточная литература, 1982), 217.

[20] Георг Вильгельм Лейбниц, *Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления*, пер. В.М. Яковлева (М.: ИФ РАН, 2005), 49, 274.

Щербатского (1866–1942). Восточно-западным штудиям этого выдающегося русского востоковеда посвятил специальное исследование главный научный сотрудник Института философии РАН Владимир Кириллович Шохин[21]. Работы Щербатского в его книге исследуются в хронологическом порядке: от первой статьи «Логика в древней Индии» (1902) до последних комментариев к переводам буддийских текстов после опубликования «Буддийской логики» (1932). Среди основных компаративистских открытий Щербатского выделяются систематические параллели между буддийским идеализмом школы Дигнаги и критицизмом Канта, а также аналогии между «философией потока» у буддистов и Бергсона.

Импульс к развертыванию компаративных исследований в России во второй половине XX в. был дан установленными в конце 80-х гг. прошлого века тесными связями Института философии в Москве с Гавайским университетом в Гонолулу. В 1989 г. состоялась «The Sixth East-West Philosophers' Conference», подобные конференции проводились здесь с 1939 г. Темой конференции была «Культура и современность: авторитет прошлого» («Culture and Modernity: The Authority of the Past»). В работе конференции приняло участие более 130 философов из 33 стран, включая трех, впервые приглашенных из Африки, Латинской Америки и СССР. Среди американских участников был ряд известных философов: Рорти, Бернштейн, Хеллер, Макинтайр, Патнэм, Данти, Аутло и многие другие. Конференция была признана настоящим историческим событием в философском сообществе.

Впервые на конференцию пригласили советского философа. Приглашение поступило в Дирекцию Института философии, которая приняла решение направить меня в Гонолулу, поскольку я была в числе основателей сектора восточных философий, а с 1980 г. – его руководителем. Участие в гавайской конференции оказалось судьбоносным. По предложению гавайских коллег в 1990 г. в Москве была организована первая региональная конференция на тему «Культура и современность: феминистские

[21] В.К. Шохин, *Ф.И. Щербатской и его компаративистская философия* (М.: ИФ РАН, 1998).

проблемы». Это была не только первая в России конференция по сравнительной философии, но и первая конференция по феминизму. Конференция прошла весьма успешно: все доклады были опубликованы на русском языке в сборнике под названием «Феминизм: Восток-Запад-Россия»[22], а избранные доклады вошли в номер журнала «Philosophy East and West». В ноябре 1990 г. в Институте философии в Москве состоялась еще одна региональная конференция на тему: «Концепция человека в традиционных культурах Востока»[23].

Уже в XXI в. мы начали проводить «Московские международные конференции по сравнительной философии». Первая конференция «Моральная философия в контексте культурного многообразия» была проведена в 2002 г.[24] В 2006 г. состоялась вторая конференция на тему: «Знание и вера в диалоге культур»[25]; третья – «Философия и наука в культурах Востока и Запада» – в 2012 г.[26]

Традиция сравнительных исследований динамична, чувствительна к изменениям и требованиям времени. Нет сомнений в том, что культурное разнообразие как достояние социальной реальности не слишком моложе человечества. Однако только в наше время оно стало одной из главных черт эпохи. Трансформация культурной множественности из реальности социального

---

[22] М.Т. Степанянц, ред., *Феминизм: Восток – Запад – Россия* (М.: Восточная литература, 1993).

[23] По итогам был издан сборник: М.Т. Степанянц, ред., *Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока* (М.: Восточная литература, 1993).

[24] См.: М.Т. Степанянц, ред., *Моральная философия в контексте многообразия культур* (М.: Восточная литература РАН, 2004); Marietta T. Stepanyants, ed., *Comparative Ethics in a Global Age* (Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2007).

[25] См.: М.Т. Степанянц, ред., *Знание и вера в контексте диалога культур* (М.: Восточная литература РАН, 2008); Marietta T. Stepanyants, ed., *Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures. Cultural Heritage and Contemporary Change* (Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2011).

[26] См.: М.Т. Степанянц, ред., *Философия и наука в культурах Востока и Запада* (М.: Наука; Восточная литература, 2013); Marietta T. Stepanyants, ed., *Philosophy and Science in Cultures of East and West* (Washington: Council for Research in Values and Philosophy, 2014).

бытия в проблему не только на уровне конкретного государства, но и на планетарном уровне объясняется радикальными изменениями, которые переживает человечество в наши дни. Начало «глобальной истории» чревато угрозой принудительного объединения, нивелирования культурного плюрализма.

Эволюция сравнительно-философских исследований привела к появлению того, что получило название межкультурной философии, хотя было бы точнее называть это не философией в смысле системы, а направлением, обращенным к межкультурному методу мышления. Последний представляет собой понятие, которое до сих пор мало распространено в российском интеллектуальном обороте. Правда, некоторые ученые (пока далеко не большинство) стали признавать, что западная философия не единственная и наряду с ней существует немало других. В связи с этим растет интерес к сравнительным исследованиям. Однако последние в основном направлены на обнаружение специфики незападных традиций. Мало внимания уделяется выявлению и исследованию параллелей в разных философиях. Напротив, бытует мнение, что философии разных культур настолько разные, что не имеют ничего общего.

За последнее десятилетие отечественные философы внесли значительный вклад в развитие межкультурной философии. Вышла первая на русском языке книга по межкультурной философии[27]. Межкультурный диалог в ней рассматривается в контексте глобальных проблем, в том числе экологического вектора цивилизационного развития, катастрофического разрыва между экономикой и этикой, расширения границ философии и науки, необходимости нравственного совершенствования общества и личности. Недавно опубликован также первый коллективный труд на эту тему[28].

Размышления о современном состоянии мировой философии привели меня к выводу, что межкультурная философия не является чем-то фиксированным и четко определенным. Есть

---

[27] М.Т. Степанянц, *Межкультурная философия: истоки, методология, проблемы, перспективы* (М.: Восточная литература, 2020).

[28] М.Т. Степанянц, сост. и отв. ред., *Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии* (М.: Наука; Восточная литература, 2022).

основания говорить о двух путях, ведущих к становлению межкультурной философии. Первый – короткий путь – ведет к относительно легко достижимой цели. Он ведет к расширению горизонтов для тех, кто занимается философской рефлексией: последние уже не ограничены «видением» только одной части мира или «слышанием» только тех голосов, которые доносятся из окружающей среды. Этот короткий путь ориентирован на формирование межкультурного *подхода* в философии.

Но есть и еще один, длинный путь, пройти который сложнее. Он выходит за рамки общего межкультурного подхода к конкретной работе с разными культурами и тем самым создает то, что можно назвать межкультурной философией. Это требует выхода за рамки «эпистемологической скромности»; требует обучения, которое вдохновляется и обогащается идеями и концепциями другой культуры.

Допускаю, что возможен и третий путь, правда, он станет доступен только после успешного прохождения двух предыдущих. Это самый творческий способ, а потому особенно сложный. Он выходит за рамки признания множественности культурно укоренившихся философий и установления взаимно уважительных отношений между ними. Помимо ведения диалога, который обогащает всех, кто в нём участвует, третий путь таит в себе надежды и возможности для открытия новых, ранее неизвестных решений общезначимых проблем. Для того чтобы философия не утратила своего стремления улавливать дух времени в мышлении, она должна перестать быть «одномерной», выйти из произвольно выбранной культурной изоляции и стать подлинно межкультурной.

Не являются ли мои утверждения утопичными, вызванными к жизни добрыми, но необоснованными побуждениями, а потому не заслуживающим внимания и тем более каких-либо усилий к реализации? Надеюсь и верю, что нет. Надежды на это дают многочисленные примеры из мировой истории философии.

Хотя межкультурная философия как направление официально обозначилось в последние десятилетия, как *метод* философствования она многократно проявлялась в истории. Наиболее яркий тому пример – арабский перипатетизм (VIII–XIII вв.). Иногда его ошибочно характеризуют как синкретизм, механи-

ческое соединение, симбиоз культур, но в действительности по своему существу он был творческим восприятием идей и понятий античной философии.

Межкультурная философия представляет собой не просто некий тренд, но ближайшую перспективу развития философии, которая неизбежна в современных условиях и уже является реальностью. Полагаю, что косвенное признание этого – проницательность Нелли Васильевны в интерпретации «высокой стадии» гегелевского «Мирового духа» как вполне реального собирательного, длительного всемирного процесса взаимодействия, взаимодополнительности, постепенного сохранения, развития, обогащения принципов, центральных идей, не знающего внешних границ и местных преград.

Список литературы / References

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Лекции по истории философии*. 3 кн. СПб.: Наука, 1993.

(Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*. 3 Bde. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993 (in Russian)).

Гессе, Герман. «К моим японским читателям». Перевод М.С. Харитонова. В *Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. М.: Восточная литература, 1982.

(Hesse, Hermann. «Zu meinen japanischen Lesern». Translated by M.S. Kharitonov. In [*East – West. Studies. Translations*]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1982 (in Russian)).

Гольдциер, Игнатий. «Философия ислама». В *Общая история философии*. В 2 т. Под редакцией А. Введенского и Е. Радлова, 82–104. СПб.: Общественная мысль, 1910.

(Goldziher, Ignaz. [«Philosophy of Islam»]. In [*General History of Philosophy*]. In 2 vols. Edited by A. Vvedenskii and E. Radlov. St. Petersburg: Obshchestvennaya mysl' Publ., 1910 (in Russian)).

Грубе, Вильгельм. «Китайская философия». В *Общая история философии*. В 2 т. Под редакцией А. Введенского и Е. Радлова, 41–62. СПб.: Общественная мысль, 1910.

(Grube, Wilhelm. [«Chinese Philosophy»]. In [*General History of Philosophy*]. In 2 vols. Edited by A. Vvedenskii and E. Radlov. St. Petersburg: Obshchestvennaya mysl' Publ., 1910 (in Russian)).

Дынник, М.А., М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, М.Б. Митин и О.В. Трахтенберг, ред. *История философии*. В 6 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957–1965.

(Dynnik, M.A., M.T. Iovchuk, B.M. Kedrov, M.B. Mitin and O.V. Trakhtenberg, eds. [*History of Philosophy*]. In 6 vols. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957–1965 (in Russian)).

Замошкин, Ю.А. и А.Ф. Шишкин. «На 31-й сессии Индийского философского конгресса (1956)». *Вопросы философии*, № 2 (1957): 148–159.

(Zamoshkin, Yu. A., and A.F. Shishkin, [«At the 31st Session of the Indian Philosophical Congress (1956)»]. *Voprosy filosofii*, No. 2 (1957): 148–159 (in Russian)).

Лейбниц, Георг Вильгельм. *Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления*. Перевод В.М. Яковлева. М.: ИФ РАН, 2005.

(Leibniz, Gottfried Wilhelm. *Schriften über die chinesische Philosophie und das binäre Zahlensystem*. Translated by V.M. Yakovlev. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2005 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В., ред. *История философии: Запад – Россия – Восток*. 4 кн. М.: Греко-латинский кабинет, 1995; 2-е изд. М.: Академический проект, 2012.

(Motroschilova, Nelly V., ed. [*History of Philosophy: West – Russia – East*]. 4 vols. Moscow: Museum Graeco-Latinum Publ., 1995; 2nd ed.: Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2012 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «Антиномии в развитии философии советского периода. Интервью с Н.В. Мотрошиловой». Интервью Н.А. Татаренко. *Историко-философский ежегодник* 33 (2018): 337–360.

(Motroschilova, Nelly V. «Antinomies in Development of Philosophy of the Soviet Period. Interview with Nelly V. Motroshilova». Interview by N.A. Tatarenko. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 33 (2018): 337–360 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «История философии в системе Гегеля». *Историко-философский ежегодник* 35 (2020): 117–167.

(Motroschilova, Nelly V. «History of Philosophy in Hegel's System». *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 35 (2020): 117–167 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «Ожидаемое и неожиданное в новой книге Юргена Хабермаса "И снова – история философии" ("Auch eine

Geschichte der Philosophie")». *Вопросы философии*, № 8 (2020): 166–176.

(Motroschilova, Nelly V. «Awaited and Unexpected in New Book by Jürgen Habermas Once Again – History of Philosophy» (Auch eine Geschichte der Philosophie)». *Voprosy Filosofii*, No. 8 (2020): 166–176 (in Russian)).

Ницше, Фридрих. *По ту сторону добра и зла*. В *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Перевод Н.Н. Полилова и К.А. Свасяна, 9–230. М.: Культурная революция, 2012.

(Nietzsche, Friedrich. *Jenseits von Gut und Böse*. In [*Gesammelte Werke*]. Bd. 5. Übersetzt von N.N. Polilova und K.A. Svasyana, 9–230. Moskau: Kul'turnaya revolyutsiya Verlag, 2012 (in Russian)).

Ольденберг, Герман. «Индийская философия». В *Общая история философии*. В 2 т. Под редакцией А. Введенского и Е. Радлова, 27–39. СПб.: Общественная мысль, 1910.

(Oldenberg, Hermann. «Indian Philosophy». In [*General History of Philosophy*]. In 2 vols. Edited by A. Vvedenskii and E. Radlov. St. Petersburg: Obshchestvennaya mysl' Publ., 1910 (in Russian)).

Степанянц, М.Т., ред. *Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока*. М.: Восточная литература, 1993.

(Stepanyants, Marietta T., ed. [*God – Man – Society in the Traditional Cultures of the East*]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1993 (in Russian)).

Степанянц, М.Т. ред., *Феминизм: Восток – Запад – Россия*. М.: Восточная литература, 1993.

(Stepanyants, Marietta T., ed. [*Feminism: East – West – Russia*]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1993 (in Russian)).

Степанянц, М.Т., ред. *Моральная философия в контексте многообразия культур*. М.: Восточная литература РАН, 2004.

(Stepanyants, Marietta T., ed. [*Moral Philosophy in the Context of the Diversity of Cultures*]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2004 (in Russian)).

Степанянц, М.Т., ред. *Знание и вера в контексте диалога культур*. М.: Восточная литература РАН, 2008.

(Stepanyants, Marietta T., ed. [*Knowledge and Faith in the Context of the Dialogue of Cultures*]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2008 (in Russian)).

Степанянц, М.Т. ред., *Философия и наука в культурах Востока и Запада*. М.: Наука; Восточная литература, 2013.

(Stepanyants, Marietta T., ed. [*Philosophy and Science in the Cultures of the East and the West*]. Moscow: Nauka Publ.; Vostochnaya literatura Publ., 2013 (in Russian)).

Степанянц, М.Т. *Межкультурная философия: истоки, методология, проблемы, перспективы*. М.: Восточная литература, 2020.

(Stepanyants, Marietta T. [*Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problems, Prospects*]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2020 (in Russian)).

Степанянц, М.Т., сост. и отв. ред. *Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии*. М.: Наука; Восточная литература, 2022.

(Stepanyants, M.T., comp. and ed. [*Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy*]. Moscow: Nauka Publ.; Vostochnaya literatura Publ., 2022 (in Russian)).

Фролов, И.Т., ред. *Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений*. 2 т. М.: Политиздат, 1989.

(Frolov, Ivan.T., ed. [*Introduction to Philosophy: A Textbook for Higher Education Institutions*]. 2 vols. Moscow: Politizdat Publ., 1989 (in Russian)).

Шохин, В.К. *Ф.И. Щербатской и его компаративистская философия*. М.: ИФРАН, 1998.

(Shokhin, Vladimir K. [*Fyodor Shcherbatskoi and His Comparative Philosophy*]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 1998 (in Russian)).

«F.W.J. Schelling an K.J.I. Windischmann, 18 Dezember 1806». In *Aus Schellings Leben. In Briefen. Zweiter Band. 1803–1820*. Herausgegeben von G. Plitt, 108–109. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870.

Halbfass, Wilhelm. *India and Europe. An Essay in Understanding*. Albany: State University of New York Press, 1988.

Hegel, G.W.F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*. 3 Bde. Herausgegeben von Johannes Hoffmeister. Leipzig: Meiner, 1944.

Muller, Max. *The Six Systems of Indian Philosophy*, 2nd ed. London: Longmans, Green and Co., 1903.

Stepanyants, Marietta T., ed. *Comparative Ethics in a Global Age*. Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2007.

Stepanyants, Marietta T., ed. *Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures*. Cultural Heritage and Contemporary Change Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2011.

Stepanyants, Marietta T., ed. *Philosophy and Science in Cultures of East and West*. Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2014.

Stepanyants, Marietta T. «History of Philosophy as an Insightful Reading». In *Philosophy Through Its History. The Intellectual Legacy of Nelly V. Motroshilova*, edited by Marina F. Bykova. London: Brill, forthcoming.

von Glasenapp, Helmuth. *Das Indienbild deutscher Denker*. Stuttgart: Koehler, 1960.